

Н.Ф. Лещенко

г. Москва

Конфуцианская этика в уставах купеческих домов в эпоху Токугава (1603–1867)

В XVI–XVII вв. в Японии возникло много торговых и торгово-предпринимательских домов, которые принадлежали новому, сложившемуся в эпоху Токугава слою японского купечества. Они пришли на смену купцам, активно занимавшимся внешней торговлей, которым пришлось искать в условиях ограничения связей с внешним миром иные сферы и формы деятельности. Всю свою энергию и изобретательность эти новые слои купечества направили на развитие внутренней торговли, весьма преуспев в умении манипулирования деньгами. Следует отметить, что они были и успешными предпринимателями.

Наступивший в начале XVII в. мир после длительных междоусобных войн способствовал развитию экономики, росту городов, численности населения, оживлению связей между городами, провинциями и деревнями, чему помогало и хорошее состояние дорог, находившихся под строгим правительственным контролем.

Процесс политической стабилизации привел к падению роли самураев как воинского сословия, многие оказались не у дел. Несмотря на строгую сословную регламентацию, многие из них поменяли свой социальный статус – занялись торговлей и согласно конфуцианской морали оказались на самой нижней ступеньке социальной лестницы. Такие торговые дома, как Мицуи, Коноикэ и Сумитомо были созданы самураями.

XVIII в. в истории Японии был отмечен многими новыми явлениями; к ним относится и появление уставов купеческих домов. Эти уставы, разные по названию, отражали «индивидуальный портрет» дома и правила, которыми регулировалась его деятельность. Но во всех уставах поощрялась бережливость, деловая смекалка, тщательное ведение отчетности. Кроме того, эти уставы содержали многочисленные предписания относительно системы найма, служебной иерархии, взаимоотношений с наемными работниками. Деловым уставам предшествовали различного рода наставления, завещания потомкам. Их основные идеи и принципы стали впоследствии основой уставов.

Морально-этический кодекс японского купечества складывался под влиянием многих факторов. Истоки его можно обнаружить несколько столетий

назад, когда образ мышления японцев формировался под влиянием конфуцианства и морали самурайства. Такие достоинства японцев, как высокая преданность, спокойствие, исполнительность, трудолюбие и т.д. формировались на основе уважения к старшим и преданности своему сообществу, будь то феодальный дом, торговая лавка или фирма.

Моральный кодекс торговых домов определяла конфуцианская этика. Этизация профессиональной деятельности была во многом связана с понятием «сэкимон сингаку» («учение о постижении сердца»), которое называли также «тёнингаку» («наука горожан»).

Основателем этого учения считается Исида Байган (1685–1744), крестьянин по происхождению, служивший приказчиком в одном из купеческих домов в г. Киото. Это учение было распространено по всей стране вплоть до середины XIX в. благодаря широкой сети специальных учебных заведений. Идеи «сэкимон сингаку» представляли собой синтетическое соединение элементов конфуцианства, буддизма, даосизма и синтоизма при доминирующей роли конфуцианских элементов. Эти идеи преследовали цели обоснования моральных ценностей предпринимательской деятельности, где ценилось усердие в исполнении своего дела, профессиональные знания, верность. Работник исполнял свой «сыновний» долг по отношению к главе дома, что было этической нормой в конфуцианской морали, которая во многом определяла поведенческий тип и формировала групповое сознание.

Одним из основополагающих принципов ведения дел была бережливость, причем не как скупость, а как средство накопить торговый капитал; излишества же могли привести к разорению, что считалось высшей формой «сыновней непочтительности».

В учении Исида Байган тема бережливости занимает особое место; такая добродетель, как бережливость, была присуща конфуцианству в целом, но в период Токугава к теме бережливости стали обращаться все чаще, что можно объяснить оживлением предпринимательской деятельности. Но если у других мыслителей призывы к бережливости были скорее констатацией экономической необходимости, то Исида Байган возвел бережливость в основной принцип этики, считая, что «бережливость является средством от алчности, жадности быстрого обогащения, которые часто приводят к различного рода преступлениям» [1, с. 125, 131].

Бережливости следовало придерживаться не только в торговых делах, но и в повседневной жизни. По мнению Исида Байган, заблуждаются те люди, которые понимают бережливость как скупость.

В семейных хрониках дома Мицуи особой похвалы удостоивалась Сюхо (1590–1676), жена основателя торгового дома. Самой отличительной чертой характера Сюхо в повседневной жизни была бережливость, у нее ничего не пропадало даром, она удивляла всех своей способностью извлекать пользу из самых незначительных вещей. Во время скромной семейной трапезы никому не позволялось оставить что-то в своей чашке. Даже когда материальное положение семьи упрочилось, Сюхо не позволяла себе носить одежду из шелка – она и ее дети были одеты в кимоно из хлопка, который выращивали и пряли в ее родной провинции Исэ [4, р. 14].

Сохранились и уставы домов провинциальных торговцев. В провинции Оми своей активной и многогранной деятельностью выделялся торговый дом Накаи. Морально-этические нормы управления были зафиксированы в различного рода наставлениях, советах, положениях, уставах. На разных этапах истории дома Накаи устав носил разные названия, отличался и содержанием. В конечном итоге в принятый к действию устав основополагающим был текст, составленный основателем дома Накаи Гэндзаэмон, он не раз его исправлял и завершил работу, когда ему было уже 90 лет. Следует отметить, что первые три текста отличались содержанием и ценностными ориентирами, которые менялись по мере развития предпринимательской деятельности, но основу их составляла конфуцианская этика.

В наставлениях основателя дома говорилось, что нельзя быть расточительным, иначе богатым не станешь; здоровье – основа долголетия; бережливость – первое дело в торговле. Ничего не говорилось о необходимости вести учет, о сообразительности. Вероятно, это было само собой разумеющимся – раз приход и расход в порядке, значит учет и бережливость в деле присутствуют. А когда в практику вошли бухгалтерские книги, то отпала и необходимость писать об этом в уставах. Гэндзаэмон предостерегал от спекуляции, советовал не рисковать и не пускаться в авантюры. Если разбогател, то следует благодарить богов и будд [6, с. 90–91, 219].

Следует отметить, что те слои японского купечества, которые придерживались и строго соблюдали принцип бережливости, смогли накопить торговый капитал и сохранить собственность, пережив переломные моменты в историческом развитии страны во второй половине XIX в.

Из уставов купеческих домов можно почерпнуть сведения не только о том, как заключались сделки и осуществлялась отчетность, но они дают и представление о купеческой морали того времени. Например, в токугавский период осуждалась спекуляция, не одобрялись разного рода махинации. Купечество старалось придерживаться принципа «думай не о прибыли, а о добром имени», репутацию дома строго оберегали.

Вот какие правила были зафиксированы в уставах **дома Сумитомо**:

1. Если происхождение вещей вызывает сомнение, то покупать их не стоит, даже если они продаются по низким ценам.
2. Не следует заниматься посредничеством.
3. Запрещались азартные игры, драки между рабочими и употребление спиртных напитков.
4. Запрещалось вымогательство по отношению к деловым партнерам.
5. Запрещалось сразу же после заключения сделки отправляться в увеселительные поездки, что препятствовало торговым партнерам «отблагодарить» работника.
6. Не разрешалось приставать с какими-либо просьбами к постоянным клиентам и заниматься вымогательством по отношению к деловым партнерам. Категорически не допускалось взяточничество.
7. Предписывалось, что в случае приема гостей каждому необходимо было внести свою долю в расходы на угощение, т.е. никаких представительских расходов не допускалось.
8. Приказчикам запрещалось заниматься тайными торговыми операциями. В противном случае их ожидало суровое наказание.

9. При осуществлении купли-продажи предписывалось предварительно договориться с клиентом о цене и строго следовать установленному порядку. Указывалось, чтобы вопрос о цене решался не одним человеком, а путем консультаций.

10. Предписывалось соблюдать скромность в одежде. Это касалось и управляющих (банто), и простых работников: все должны были быть одеты в платье из хлопка [5, с. 41, 60–65].

В уставе этого дома был особый пункт, который касался взаимоотношений хозяина и работника. Весь стиль взаимоотношений был пронизан духом конфуцианской морали – почтительного отношения к старшему. Интересы клана ставились выше, нежели интересы одной семьи или отдельного работника.

Моральный кодекс торгово-предпринимательского дома Сумитомо определяла конфуцианская этика. Это и аккуратность в ведении дел, и честное отношение с партнерами, и неприятие возможности получения денег нечестным путем, и бережливость. Причем последнее понималось не как скупость, а как экономическая необходимость, позволяющая накопить капитал.

Чтобы уберечь работников от разного рода соблазнов, надо было заставить их следовать определенным нормам поведения, выполнять которые требовалось неукоснительно. Поэтому правила так дотошно регламентировали каждую сторону повседневной жизни в быту и на работе, что помогало обеспечивать стабильность многогранной деятельности дома Сумитомо.

Торговый дом Мицуи, как и торговый дом Сумитомо, был семейной компанией, куда входило 9 домов (семей), в совместном владении которых находилось все имущество клана. В уставе дома был закреплён принцип неделимости капитала. Каждая семья имела два вида денежных средств – на предпринимательские дела и на семейные расходы. Смешивать эти две статьи расходов было строго запрещено. Кроме того, ни одна семья не могла забрать свою долю, независимо продать или подарить свой пай [3, р. 41].

В случае банкротства одного из родственников остальные не были юридически ответственны за его долги. Таким образом, клан Мицуи сумел сохранить и приумножить свое богатство.

В правилах для работников подчеркивалась важность добрых отношений между ними, т.е. уделялось большое внимание тому, что сейчас называется «микроклиматом в коллективе». За прилежную работу предусматривалось поощрение. Что касается правил поведения в быту, то предписывалось не вести споров, не начинать ссор, не водить знакомство с дурной компанией и с проститутками. Одежду надлежало носить из хлопка.

Замеченных в нарушениях правил увольняли. Причем это касалось и родственников членов семьи – если присланных на обучение мальчиков уличали в дурном поведении, их отсылали домой. О том, что все работники были ознакомлены с содержанием правил, свидетельствовали их личные печати, поставленные в конце правил.

Правила и весь стиль взаимоотношений между хозяином и наемными работниками были пронизаны духом конфуцианской морали – почтительного отношения к старшему. Молодежь должна была оказывать уважение

старикам независимо от продолжительности работы последних в лавке. В то же время, все вновь поступившие обязаны были с почтением относиться к давно работающим. Особо поощрялось прилежание в работе. Если на протяжении двух лет работник прилежно трудился и каждые полгода это отмечалось управляющим, то он получал вознаграждение. Работнику было экономически выгодно работать длительное время у одних и тех же хозяев. Глава же торгового дома был заинтересован в преданных ему людях, а длительная работа у одного хозяина демонстрировала такую преданность.

Как и другие купеческие дома, Мицуи широко использовали институт главных приказчиков (банто). Вся их деятельность была подчинена интересам дома, а отношение к хозяину, стержнем которого была преданность, основывалось на конфуцианской морали. Их обязанности и стандарты поведения были четко определены уставом дома.

Для женщин из дома Мицуи было много разных наставлений. В 1705 г. появились «Наставления для женщин» («Фудзин кун»), написанные в духе конфуцианской морали, где на первый план выдвигалось почитание родителей, беспрекословное подчинение мужу [2, с. 180].

Можно сказать, что японцы «этизировали» экономические отношения, создав на основе конфуцианской морали японскую трудовую этику. В дальнейшем это послужило основой для утверждения нравственных принципов предпринимательской деятельности.

Литература

1. Карелова Л.Б. Учение Исиды Байгана о постижении «сердца» и становление трудовой этики в Японии. М., 2007.
2. Леценко Н.Ф. Япония в эпоху Токугава. М., 1999.
3. Family Business in the Era of Industrial Growth. Tokyo, 1981.
4. Roberts J.G. Mitsui. N.-Y., 1982.
5. Сумитомо дзайбацу (История группы Сумитомо). Токио, 1982.
6. Эдоки сёнин-но какусинтэки кодо (Новаторская деятельность японского купечества в эпоху Токугава). Токио, 1987.